© 1996 г., ЭО, № 6

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ НАУКИ

Я хочу представить нашей этнографической аудитории интервью с известными американскими антропологами, с которыми мне посчастливилось работать в течение нескольких лет. Интервью были записаны в мае 1996 г., во время ежегодной антропологической конференции «Late Editions», проводящейся в Университете Райса. В интервью я следовал в целом по той же схеме, что и в ранее опубликованном интервью с отечественными этнографами (см. «Этнографическое обозрение». 1996. № 5). Это даст читателю возможность сравнить проблемы и состояние двух этнографических сообществ.

Представляю участников интервью.

Стивен Тайлер — заслуженный профессор антропологии и лингвистики Университета Райса, в 1960-е годы один из основателей направления когнитивной антропологии и в 1980-е годы один из ее наиболее суровых критиков, автор многих книг и статей, включая фундаментальную работу «The Said and the Unsaid: Mind, Meaning, and Culture». N. Y., 1978.

Джордж Маркус — заведующий кафедрой антропологии Университета Райса, основатель и до 1992 г. редактор журнала «Cultural Anthropology», один из ближайших последователей Клиффорда Гирца, историограф, автор и соавтор книг «Elites: Ethnographic Issues». Santa Fe, 1983; «Anthropology as Cultural Critique». Chicago, 1986; «Writing Culture». Berkeley, 1986.

Майкл Фишер — профессор антропологии Массачусетского университета технологии, специалист по этнографии Ближнего Востока, работающий сегодня над проблемой столкновения развитой технологии и традиционной культуры, автор книги «Iran: From Religious Dispute to Revolution». Cambridge, 1980 и соавтор «Debating Muslims». Madison, 1990.

Эти ученые в дискуссиях 1980-х годов часто ассоциировались с группой «интерпретативной» антропологии и порой неосторожно относились к «постмодернизму» в этнографии. На самом деле данное представление имело мало общего с реальностью и практически рассеялось в 1990-е годы. Я попросил Стивена Тайлера высказаться и по этому вопросу.

Рамки статьи не позволяют мне написать пространное предисловие, поэтому мне хотелось бы здесь сделать лишь одно замечание — об употреблении термина «культурные исследования» в тексте интервью. В данном случае это не выражение обобщающего характера. Под «культурными исследованиями» подразумевается дисциплина (Cultural Studies), которую, сугубо условно и приближенно говоря, можно соотнести с культурологией в российской гуманитарной сфере. Во избежание других вопросов я попытался снабдить текст краткими примечаниями.

Алексей Елфимов

А. Е. Я бы хотел начать с вопроса о месте антропологии в системе гуманитарных и социальных наук в последние 10—15 лет. Наблюдались ли за это время какие-то изменения в ее дисциплинарном статусе? Становится ли антропология сегодня более популярной или менее популярной? Какие значимые перемены в исследованиях произошли за истекший период?

М. Фишер. Этот вопрос можно рассматривать с разных сторон. Во-первых,

было бы интересно посмотреть на статистику набора студентов и аспирантов и статистику распределения антропологов по занятиям внутри Академии и особенно за ее пределами, где, как мне кажется, сегодня могут обнаружиться совершенно неожиданные структуры трудоустройства и применения антропологического знания.

Во-вторых, здесь нужно учесть те сферы знания, к которым антропология устремляла свое интеллектуальное движение в последнее десятилетие: это «наука и культура»; «средства массовой информации и культура» (как традиционные средства массовой информации, так и новые культурные коммуникации, опосредованные компьютерной технологией); социальные проблемы в обществах, испытывавших или испытывающих трагический опыт последних лет (могу упомянуть здесь такие работы, как «Полевая работа под огнем» Роббена и Нордстром, «Подозрительные беженцы» Дэниела и Надсена или готовящаяся к печати книга Дугласа Холмса об усилении правого крыла в социальной и культурной жизни сегодняшней Европы)¹; а также такие области, как «мультикультурализм» и «диаспоры» со всеми теми проблемами, которые они ставят сегодня перед концепцией современного суверенного государства.

В-третьих, здесь следует отметить все смежные области, которые стали принимать на вооружение этнографические методы, или, условно говоря, стиль «социологии гуманитарного знания» — это и культурные исследования, и история искусств, и так называемый новый исторический подход в литературе, и новые подходы в самой исторической науке, а также уже ставший традиционным жанр соединения серьезной журналистики, антропологии и краеведения.

В 1960-е годы многим казалось, что классические места в основаниях гуманитарного знания должны непременно перейти к Антропологии (науке с большой буквы), так как людям будет нужна универсальная дисциплина с доступом ко всем культурам на земном шаре. Эта идея, которая воплощалась по большей части в представлениях о том, что можно будет создать окончательно верный и полный этнографический учебник, не сработала. Мир оказался слишком непостоянным и изменчивым — как в вопросах социальной организации, так и в вопросах культурных черт. Поэтому, стараясь приспособить свои подходы и методы к изменяющемуся характеру общества, антропология обрела другое место в системе гуманитарных и социальных наук. Я бы сказал, она частично остается в позитивистских социальных науках, а частично в герменевтических или интерпретативных гуманитарных науках.

Это положение позволяет ей быть важным переходным мостом между двумя сферами, физиками и лириками, которые до сих пор находятся в крайнем противоречии друг к другу. Более того, в условиях, когда общество становится все более и более технологизированным, а социальное и этническое разделение все более сложным (так что политическим и производственным структурам приходится считаться с интересами все возрастающего числа групп разного порядка), антропология должна серьезно изучать специфику кросскультурного понимания и учить людей необходимости учитывать все парадоксы культурного и социального разнообразия в современном мире.

С. Тайлер. Я думаю, самое очевидное из того, что происходило в последние 10—15 лет, — это то, что антропология и идея культуры были «каннибализованы» (с большой долей успеха) гуманитарными науками. Традиционно, если вы помните, антропология принадлежала к области поведенческих и социальных наук.

Второе, что произошло за это время, — это раскол антропологии на, так сказать, взаимно несообразующиеся и мало понимающие друг друга группы. Сейчас вы обнаружите в Академии разного рода группы физических антропологов, группы археологов, несколько групп лингвистов и огромное количество сообществ, название которых начинается со слова «культурная». Но даже эти «культурные...» сегодня могут сообщить друг другу мало связанного.

Таким образом, самое существенное из происшедшего за последние де-

сятилетия — это, пожалуй, исчезновение антропологии как дисциплины и распад ее на фракции.

Становится ли антропология более популярной или менее популярной наукой? Наверное, все-таки менее популярной. В частности, в обществе сегодня наблюдается реакция на такие вещи, как релятивизм и мультиэтничность, за которые антропология традиционно ратовала. Исследователи культуры предприняли попытку перехватить либерально-релятивистскую позицию антропологии, но я не думаю, что успех был полным.

Какие перемены произошли в исследованиях? Самая большая в том, что их больше никто не проводит. Все просто переливают из пустого в порожнее. Полевые исследования легко заменяются риторикой «поля», которая сопровождается дешевой игрой на теоретических установках. Это все ушло в область дискурсивной эстетики.

Д. Маркус. Проблема сегодняшней антропологии в том, что ее восприятие другими дисциплинами и интеллектуальной публикой расходится с ее самовосприятием, особенно после того, как в 1980-е годы антропология претерпела достаточно сильную внутреннюю критику. Формально положение антропологии среди других наук или, лучше сказать, ее общественное положение мало изменилось за прошедшие годы. Многие сегодняшние антропологи чувствуют неудобство, поскольку так или иначе осознают необходимость перемен в дисциплинарной практике, которая перестала быть эффективной в контексте мира современности, в условиях реорганизации обществ, народов и культур.

Развитие антропологии на современном этапе имело тенденцию следовать за развитием доктрины либерального государства, в котором антропологии отводилась роль передатчика обществу уроков терпимости к культурным различиям. В сегодняшней ситуации антропология теряет в вопросе, как и каким способом продолжать давать эти уроки. Я хочу сказать, что категории «примитивного», «экзотического» и многие другие, которые были традиционно важными в этнографической педагогике, сегодня не работают. И антропологии пока что нечем их заменить. А публика по-прежнему хочет видеть в этнографических трудах голос либеральной науки, защищающей равноправие культурных различий.

Таким образом, позиционный статус антропологии в общественной системе образования мало изменился. Впрочем, я бы сказал, что антропология — относительно благополучная дисциплина по сравнению с некоторыми другими. Она никогда не обещала дать обществу больше, чем могла, в то время как другие дисциплины (социология, психология, политология, экономика) постоянно обещали реформу общества — и в результате пришли, так сказать, в большой «кризис обещаний».

Конечно, экономика, политология и психология в некоторой степени реабилитировали свой престиж, так как пошли на службу корпорациям. Социология осталась, пожалуй, в самом худшем положении, поскольку она не в состоянии предложить ничего существенного ни корпорациям, ни государству, кроме традиционных статистических данных, достоверность которых сегодня сильно дискредитирована в глазах всего научного сообщества.

Что касается антропологии, то среди гуманитарных и социальных наук она всегда занимала достаточно маргинальное место. Хотя, как я уже отметил, она всегда имела большую потенциальную силу в смысле ее влияния на общепринятое мнение в собственном обществе (т. е. функция культурной критики всегда превосходила ее академическую функцию). В этом отношении она имела мало общего с историей или литературоведением — родственными гуманитарными дисциплинами, функцией которых всегда было упрочение доминирующих общественных мнений и ценностей, но не критика их. По этой причине (так исторически сложилось в Америке) антропология всегда пользовалась большим уважением со стороны либерально ориентированной общественности.

Сейчас критический взгляд многих антропологов направлен к последнему

30-летию: к 1960-м годам, или к так называемой «эре развития», когда США выступали как полицейское государство в международной войне с коммунизмом, и к последующим 1970—1980-м годам, «эре глобализации», когда США начали становиться экономической империей. Вопросы культурной политики в этот период, я бы сказал, становятся более или менее центральными на повестке дня (новые волны иммиграции и иммиграционная политика, положение меньшинств в мажоритарном «большинства», социальная политика в отношении женщин и др.).

Мне кажется, что с появлением этих тем в дисциплинарной практике в последние годы антропология начала совершать давно необходимый ей прорыв. И этот прорыв может быть объяснен скорее с точки зрения общеинтеллектуальных тенденций, характерных для 1980—1990-х годов, чем с точки зрения внутреннего развития дисциплины. Для нас, профессуры, воспитанной в 1960—1970-е годы на проблемах родства, религии, мифа и ритуала, я думаю, было очевидно уже в начале 1980-х, что этими вопросами, пришедшими из XIX в., больше нельзя заинтересовать активное молодое поколение. Таким образом, стало ясно, что «дисциплину» дисциплины поддерживать на основе старых традиций теперь уже невозможно.

Курьез, впрочем, в том, что в это же время традиционные антропологические сюжеты начали интересовать остальные гуманитарные науки. Вопрос репрезентации «племенного», «экзотического» в современном дискурсе (особенно после публикации «Ориентализма» Эдварда Саида) стал излюбленной темой в литературоведении, культурных исследованиях и позже в истории². Эти экскурсы гуманитариев в этнографию уже неоднократно подвергались серьезной критике. Я не буду сейчас на этом останавливаться. Отмечу лишь один момент.

Удивительно то, с какой легкостью риторика «примитивного» и риторика «экзотического Другого», едва выйдя из границ антропологии, перекинулась в общий гуманитарный дискурс. Эта риторика, надо сказать, обрела мощную критическую силу в лице культурных исследований и литературоведения. Несмотря на сомнения относительно «научности» работ, появившихся под рубрикой «культурных исследований» и «постмодернизма», серьезная постановка в этих работах вопроса о различии заслуживает большого внимания. Собственно говоря, вопрос о различии, об этом самом *difference*, представлял собой одну из главных черт современной европейской теоретической мысли³. В американской Академии он был воспринят через французский постструктурализм с его левоторетическими установками на волне феминистского движения и социальных движений меньшинств.

В активных дискуссиях 1970—1980-х годов антропология была не участницей, а скорее слушательницей. Но к началу 1990-х годов она начала всерьез принимать на вооружение идеи, почерпнутые из интеллектуальных дискуссий в гуманитарном мире. И это, я считаю, ее большой плюс. Хотя мое мнение не очень оптимистично. Я думаю, что антропология не взяла из этих дискуссий столько, сколько могла бы взять. Я до сих пор не вижу больших изменений в этнографической практике, дисциплинарная инертность велика, да и хороших работ мало. Может быть, я слишком нетерпелив. В то же время мне хочется верить, что антропология начнет в полной мере использовать тот интеллектуальный критический потенциал, который был открыт в гуманитарных науках в последнее 20-летие.

А. Е. Я бы хотел узнать ваше мнение относительно вопроса «теории и практики». Можно ли сказать, что антропология занимается чисто теоретическими упражнениями, или же ее прикладное значение по-прежнему сохраняется в то время, которое часто называют постколониальным? Если так, то в чем это прикладное значение? И что, собственно, происходит с теорией в антропологии?

М. Фишер. Мне хотелось бы связать прикладную сторону антропологии с деятельностью, которая обеспечивает максимально информированный «культурный перевод» в многочисленных группах крайне дифференцированного совре-

менного общества. Прикладная сторона должна выявлять основания, на которых может строиться взаимопонимание там, где его нет. Здесь остается необозримое поле деятельности, так как парадоксы культурного непонимания сегодня обнаруживаются везде — между учеными, инженерами и техническими рабочими на атомной станции; между эмигрантами, не желающими ассимилироваться и отказываться от своих прошлых культурных ролей, и государством, которое строит гражданское общество на основании других культурных ролей, которые приходят в конфликт с культурной идентичностью эмигрантов; между субкультурой компьютерной технологии и «Интернета» и людьми, не получившими образования в этой сфере, и т. д. И проблема не просто в том, что люди не понимают друг друга, а в том, что их «непонимания» постоянно и стабильно воспроизводятся — через разные культурные, социальные, материальные условия или стили жизни и через их постоянные позиционные столкновения.

Что касается теоретической стороны, то «теория» в антропологии, конечно же, претерпела существенные изменения за последние 20 лет. Большинство из традиционно адресуемых социальных теорий было сформулировано на рубеже XX в. вследствие второй индустриальной революции (Маркс, Вебер, Дюркгейм, Фрейд). Антропологические адаптации этих теорий были «выкованы» в мире колониализма и косвенного управления в период до второй мировой войны.

Наиболее существенная новая теоретическая установка (пришедшая из Франции и часто называемая постмодернистской или постсовременной) явилась ответом нового поколения и отразила проблемы мира деколонизации (Алжир, Вьетнам), а также приход мира новых технологий (силикаты и молекулярная биология), мира массовых миграций населения (мультикультурные диаспоры совсем другого порядка, нежели существовавшие ранее, с совсем другим отношением к местам происхождения) и мира реорганизующегося и интенсифицирующегося капитализма (гибкое накопление, транснациональное разделение труда и использование капитала).

Эта теоретическая установка приобрела иной характер. Если взглянуть на нее с антропологической точки зрения, то одной из ее особенностей было активное отношение к практике (т. е. «теория не должна быть отвлеченной научной конструкцией, а иметь непосредственное отношение к изменениям в текущем мире»). Таким образом, теория должна поставлять практические стратегии, пригодные для мира современности.

С. Тайлер. О теории всегда много говорили и говорят до сих пор. В самой антропологии никогда не было выработано ничего существенного, что бы сошло за теорию, но всегда говорилось много вздора по этому поводу. Что касается вопроса «теории и практики», то он стандартно решался в прошлом так: практика должна вытекать из теории (чего с последней никогда не случалось).

Сегодня этот вопрос решается наоборот: теория должна вытекать из практики. Что я могу сказать по этому поводу? Я подозреваю, что «на практике» из практики вытекает только другая практика. Теории я пока не видел, хотя теоретизирования по этому вопросу ныне более, чем достаточно. Следует сказать, что я не из тех людей, которые постоянно выступают за «чистку» языка, но в данном конкретном случае я бы, наверное, согласился запретить слово «теория» и, возможно, предложил бы штрафовать антропологов за его употребление.

Занимается ли антропология чисто теоретическими упражнениями? Да и, как я уже сказал, весьма бездарно.

Есть ли прикладное значение? Есть, но мало. По крайней мере, в том (часто упоминаемом) смысле, что «теоретические выкладки антропологических работ могут быть применены там-то и там-то». Имеются, конечно, люди, которые занимаются практическими делами. Они, как правило, не приводят никаких теоретических выкладок. Хочу сказать, что результаты антропологической деятельности имеют либо сугубо внутриакадемическое значение, либо прикладное внеакадемическое, что мало интересует академиков и привлекает людей, по тем

или иным причинам не нашедших работу в академической сфере. Это разного рода консультанты, этнографические эксперты при всяких организациях и др.

В этом смысле можно говорить о прикладном аспекте антропологии, но не о прикладном аспекте антропологической теории. Впрочем, я не хочу превозносить «экспертов» прикладной сферы, потому что большинство из них, как мне кажется, просто пользуется корпусом спекулятивного знания в своих целях.

Д. Маркус. Вопрос о теории и практике — несколько болезненный вопрос в этнографии. Полевая работа — это практика, которая, где бы и как бы она ни проводилась, всегда носит прикладной характер и имеет мало общего с теорией. Теоретизирование приходит потом. К сожалению, я вынужден констатировать, что этнограф традиционно, исходя из системы его образования и интересов, никогда не был интеллектуальной фигурой в сообществе гуманитариев. Он всегда оставался ремесленником. С корпусом теоретического знания этнография всегда обращалась достаточно наивно. В частности, в американской традиции теория часто ставилась на службу политическому мнению, так как антропологов всегда больше интересовала этическая сторона, чем теоретическая.

Необходимо сказать, что и среди антропологов были, конечно, представители, которых отличали интересные и эксцентричные теоретические взгляды. Но в целом применение теории в антропологии всегда было упрощенно адаптированным.

В последнее десятилетие развитие гуманитарных и социальных наук требует от этнографов более глубокого знания теоретических идей, поскольку схемы социальных и этнических взаимодействий усложняются и простых навыков интервьюера этнографу сегодня недостаточно. Это чувствуется по научным работам. Опять же большинство из недавних попыток применить, например, идеи Фуко или Хабермаса к антропологическому анализу дают довольно плохие результаты. Почему? Потому что Фуко и Хабермас не преподаются и не изучаются серьезно на кафедрах этнографии. В этнографическом образовании продолжается все та же поверхностная, кустарная ассимиляция теоретического знания. Часто ее бывает достаточно для того, чтобы обосновать критическую позицию этнографа (и это хорошо), но эта поверхностность одновременно наносит урон глубине научного анализа.

Этнография, несомненно, должна продолжать работать в критическом направлении (эта сторона деятельности антрополога как активиста и критика в своем обществе представляет собой ценное наследие дисциплины, на которое Майкл Фишер и я попытались обратить внимание в нашей книге «Антропология как культурная критика»⁴). Чтобы антропология могла стать хорошим адвокатом, ей прежде всего необходимо глубокое знание и понимание общества, с которым она имеет дело.

А. Е. *Можно ли сказать, что существует четко или нечетко выраженная парадигма антропологического исследования в практике американской антропологии в последние 10—15 лет? Что вы думаете по этому поводу?*

Д. Маркус. С точки зрения стороннего наблюдателя или, так сказать, средне-статистического гуманитария парадигма антропологии во многом до сих пор определяется концепцией четырех областей (археология, физическая антропология, культурная антропология и лингвистика), составляющих такую, в духе XIX в., интегрированную универсальную «науку о человеке». С точки зрения самой дисциплинарной практики, конечно, эта парадигма больше не работает, и за последние 10—15 лет в Академии прошло много дискуссий по данному поводу. Здесь опять же можно наблюдать несоответствие между восприятием антропологии людьми вне этой дисциплины и внутри ее.

Я не думаю, что в настоящий момент существует определенная парадигма антропологического исследования. Мне кажется, что вряд ли она будет существовать и в будущем. Парадигмы во многом строились на наличии нескольких дискретных школ с отдельными «предводителями» при общей неразвитости межинститутского взаимодействия. Сегодня социология профессии носит совсем

ной характер — характер «школы». Если таковые «школы» находятся, заимствуют друг у друга все, что хотят, ученые перемещаются из организации в организацию и т. д. Сегодня есть много талантливых людей в разных университетах и в разных сферах, поэтому отпадает интерес в «предводителях», которые ставят своей задачей направлять общие дискуссии и книжки которых все обязаны читать. В антропологии больше не будет ни Леви-Строса, ни фигур меньшего значения, например, Маршалла Салинса или Эрика Вулфа.

Иными словами, дисциплина больше не будет организована вокруг отдельных «столпов» науки. Дисциплина становится слишком широкой и разнообразной в своих интересах и в своих контактах с другими дисциплинами, чтобы все это исследовательское поле было в каком-то смысле «покрыто» одним авторитетом. И я думаю, что эта парадигмальная фрагментация представляет собой здоровую тенденцию, в которой абсолютно нет ничего трагичного.

М. Фишер. Последние 15 лет, конечно же, были периодом смены поколений как среди профессуры, так и в студенческой среде. И в ту, и в другую сферу пришли люди с новым опытом и новыми понятиями, почерпнутыми из тех изменившихся социальных реалий, о которых мы говорили в начале интервью. О сдвигах парадигмального характера говорить трудно. Но общие сдвиги в дисциплинарной практике заключались во все более возраставшей открытости антропологов к новым типам исследований и более свободной структуре монографий, к признанию факта, что антропология больше не является (если она вообще когда-то являлась) первооткрывательницей некоей *terra incognita*, а скорее шагом в общую картину культурных репрезентаций, *поставляемую сегодня также* и другими науками, средствами массовой коммуникации, кинорежиссерами, писателями и т. д.

Антропологи стали признавать, что теперь, исследуя культурное восприятие и его особенности, этнографии приходится считаться со знаниями и другими общепринятыми установками, ассимилированными через средства культурной информации и «дисциплинирующие» институты власти.

С. Тайлер. Как я уже упомянул, антропология распалась на разные парадигмы в лице разных сообществ. Единственной парадигмой, которая в той или иной степени оставила свой след на всех сообществах за последние 15 лет, была так называемая критика текстуализации и воспроизводства этнографического знания. Появление этой парадигмы обусловлено развалом когнитивных исследований и общим поражением структурализма. Кроме того, сыграли свою роль упадок интереса антропологов к философскому знанию, с одной стороны, и повысившаяся эмпирическая дезинформированность, с другой стороны. Последняя явилась прямым следствием деинтеллектуализации дисциплины.

А. Е. (обращаясь к С. Тайлеру). *Стивен, что вы можете сказать по вопросу так называемого постмодернизма в этнографии?*

С. Тайлер (смеется). Я бы лучше вас послушал. После нескольких лет, которые вы провели здесь, вы, наверное, можете мне сообщить больше по этому вопросу.

А. Е. *Нет, я хотел бы услышать ваше мнение, а то мне не поверят. Хотелось бы прежде всего внести некоторую ясность в восприятие понятия «постмодернистская парадигма» российскими этнографами. В антропологии США еще пять лет назад бытовало весьма превратное мнение на этот предмет. Вас тогда вместе с Джорджем Маркусом считали крайними апологетами постмодернизма и «экспериментальной этнографии» (в ее негативном смысле). Особенно после публикации такой книги, как «Writing Culture»⁵. Правда, теперь я наблюдаю более или менее спокойное отношение к слову «постмодернизм» среди антропологов.*

С. Тайлер. Во-первых, никакой «постмодернистской парадигмы» в этнографии никогда не существовало, и никем она не была создана. Ни одна из статей сборника «Writing Culture», на мой взгляд, не несет в себе ничего постмодернистского. Это была просто критика, достаточно резкая, того состояния, в

которое зашла антропология к началу 1980-х годов. То, что книга вызвала фурор и злобу в те годы, лишь доказывает, что она пришлась ко времени. В остальном в ней не было ничего необычного.

Дело в том, что к началу 1980-х годов антропология зашла в тупик, и специалисты уже давно находились в ожидании чего-то нового. Это с одной стороны. С другой — в смежных гуманитарных науках в это время начиналась дискуссия о постмодернизме (связываемом по преимуществу с французским постструктурализмом и миром новых технологий). В книге «Writing Culture» мы обратили внимание на эту дискуссию и употребили слово «постмодернизм» несколько раз, что и сыграло, пожалуй, роковую роль.

Те антропологи, которые не имели никакого представления о том, что происходило за пределами их дисциплины, и не проявляли большого интереса к смежным гуманитарным наукам, поспешили вырвать слово из контекста и наклепать его в качестве ярлыка на группу совершенно разных людей, не имевших к тому же ничего общего с некой «постмодернистской этнографией». Так что ярлык пришел с «другой» стороны и сильно запутал дело на много лет вперед.

Некоторые молодые антропологи, следуя дурному примеру, стали открыто называть себя приверженцами «постмодернистской парадигмы», что опять-таки сыграло против нас. Вообще в том, что было сделано в этнографии под лозунгом «постмодернизма», — на мой взгляд, не было ничего стоящего. Все эти новые типы этнографического описания только доказали, что в них нет ничего нового.

Как вы понимаете, я отрицательно отношусь к тому, что до сих пор практиковалось в качестве «постмодернизма в этнографии». Вместе с тем я глубоко убежден, что реальность мира 1990-х годов, в которой мы пребываем, лучше всего определяется словом «постмодернизм» или «постсовременность». Социальные отношения — не те, отношения с природой и технологией — не те, экономика жизни становится качественно иной. Так что этнографии не нужно становиться «постмодернистской». Ей необходимо открыть глаза на постсовременную реальность, с которой она имеет дело. А то этнографы до сих пор воображают, будто они живут в XIX в. Я так понимаю дело.

А. Е. Что вы можете сказать об антропологическом образовании в сегодняшних университетах? Что в нем хорошо и что плохо?

С. Тайлер. Все, без исключения, плохо (*смеется*). На самом деле, конечно, у антропологического образования есть преимущество по сравнению с другими дисциплинами. Оно заключается в том, что антропология все-таки остается терпимой к широкому кругу взглядов на социальную реальность и не стремится канонизировать исследовательские методы в исследовательские «директивы» (в некие единственно приемлемые пути видения), как это сплошь и рядом делают другие дисциплины.

В гуманитарных науках чем меньше закрытых дверей, тем лучше. Хорошо, что на учебу в аспирантуру по специальности «Антропология» берут студентов без антропологического образования (интересно, что именно они впоследствии часто становятся лучшими антропологами). Таким образом, в открытости этнографического образования заключен хороший потенциал.

Что касается кафедральных программ, то, конечно же, те, которые имеют самую красивую историю (Колумбийский университет, Беркли, Гарвард), сейчас находятся в плачевном состоянии. Они продолжают играть в игры 1960-х годов и до сих пор борются за некую авторитетную ортодоксию, которая давно от них ушла. Они используют авторитет прошлого и совершенно не желают смотреть объективно на современный мир. Все эти профессора напоминают мне занимающихся виндсерфингом старцев, которые сидят в заливе в ожидании следующей волны, на которую они бы могли взгромоздиться и двигаться подольше... (*Смеется*.)

М. Фишер. Я думаю, что в этот переходный период мы все еще пребываем в сомнениях, находясь между педагогикой прошлого и педагогикой будущего. Быстро развивающаяся компьютерная технология, CD-Rom и Word-Wide-Web⁶, уже сейчас открывает доступ к исключительно широкому полю этнографических

материалов со всех концов мира (архивные материалы, интервью и другие тексты, ранее недоступные по причине невозможности частых поездок в разные уголки земного шара, а также широко разрабатывающиеся визуальные программы с транскрипциями и одновременными переводами на многие языки). Уже сегодня возможно объединение усилий студентов университетов в разных полушариях Земли. Например, недавно один учитель средней школы в Малайзии проводил сессии с учениками школы из ЮАР.

Проблема в том, что мы еще не знаем, как соединить традиционную педагогику с новыми возможностями. Думаю, что это будет основной вопрос в ближайший период. Что касается «ритуала» полевой работы, то я не думаю, что он будет снят с повестки дня в скором будущем. Места и объекты полевой работы будут изменяться, и они уже меняются.

Возьмем, к примеру, исследовательскую деятельность. Поскольку культурные и социальные процессы все реже носят локальный характер и все чаще обретают сложные масштабы в физическом и социальном пространстве, рост групповой исследовательской работы представляется мне единственно объективным фактором (участниками ее, кстати сказать, уже будут не исключительно этнографы, а скорее коллектив экспертов из разных сфер знания).

Д. Маркус. Образовательная структура и структура последующего трудоустройства в большой мере характеризуются консервативно-охранительными тенденциями. Потому дипломы и диссертации представляют собой по сути консервативный проект, несмотря на ведущиеся в стенах университетов разговоры о желанности свежих, нетрадиционных работ. Это в одинаковой мере препятствие как для студентов, так и для профессуры. Многие профессора, воспитанные на традициях 1960—1970-х годов, в 1980-е годы пытались экспериментировать и идти навстречу интересам студентов, но сталкивались при этом с большими трудностями. Хотя все было не зря, и к началу 1990-х годов многие новые и важные темы вошли в «узаконенную» сферу этнографического образования. Тем не менее мне приходится констатировать, что спрос на «альтернативные» (в любом смысле этого слова) работы очень мал.

Прием на работу в большинстве своем по-прежнему происходит келейно; противоречие между жаждой знания и допуском этого знания в образовательную систему остается. Аспиранты, которые сегодня приходят на кафедры антропологии, часто бывают разочарованы тем, что им предлагают. Их запросы нередко бывают более серьезны и интеллектуально сложны, чем то, что по традиции преподается на кафедрах. Эти аспиранты в итоге начинают заниматься культурными исследованиями, литературоведением и т. д. То есть я хочу сказать, антропология зачастую теряет лучших студентов, от которых зависит будущее дисциплины.

Следует подчеркнуть, что студенты, которые приходят в науку без особых запросов и интересов, — наиболее удобны, с точки зрения образовательного процесса. Но по причине этого «удобства» наука в конце концов впадает в затяжной кризис. Кафедры должны бороться за студентов. И я думаю, сегодня это осознают даже учреждения с самой консервативной репутацией. Везде так или иначе намечаются сдвиги, они неизбежны, но идут не так быстро, как мне хотелось бы.

А. Е. *Каково взаимоотношение между антропологией и культурными исследованиями в настоящий момент? 5—10 лет назад в гуманитарной сфере наблюдалось большое воодушевление насчет культурных исследований, в частности, было распространено мнение, что антропология и культурные исследования скоро станут союзниками. Однако в последние годы, как я замечаю, пыл этих дискуссий заметно уменьшился. В чем тут дело?*

М. Фишер. Культурные исследования были и остаются сферой весьма неоднородной. Их можно рассматривать по нескольким генеалогиям: 1) марксизм и изучение культуры рабочего класса в Бирмингемской школе в 1960-е годы; последующие второе и третье поколения, перешедшие к критике расизма в постколониальном мире; 2) смешанные программы по изучению антропологии, фольклор-

ра и американской истории, возникшие в 1960—1970-е годы в Пенсильванском и Техасском университетах; 3) движение, первоначально распространившееся среди группы историков из Индии и известное сегодня как «постколониальная критика», или *Subaltern Studies* (исследования «зависимых», где эти «зависимые» выступают и как объект, и как субъект исследования.— А. Е.); 4) философско-литературная критика, которая пришла через посредство Йельского университета и Университета Джонса Хопкинса из Франции⁷.

В определенном смысле культурные исследования открыли междисциплинарное пространство для гуманитарных исследований в то время, когда традиционные дисциплины вступали в это пространство с большим трудом. На протяжении 1980-х годов антропология и культурные исследования были союзниками, несмотря на незначительные противоречия. Антропология всегда требовала от культурных исследований большей сравнительной перспективы и глубины социологического анализа. В 1990-е годы культурные исследования заметно сместились в область литературной критики, и в последние годы этнографы нередко стали выражать тревогу по поводу скороспелых выводов, которыми культурные исследования стали довольствоваться, не желая тратить время на серьезную полевую работу.

Сейчас нельзя сказать определенно, в какую сторону завтра подадутся дисциплины. Вполне возможно, что в условиях, когда университетские ставки в гуманитарных науках начали сокращать, антропология и культурные исследования снова станут союзниками в борьбе за ресурсы, отпущенные на изучение современной культуры и общества.

С. Тайлер. Несомненно в последние 10 лет происходило поедание антропологии культурными исследованиями, но это, как показал опыт, не пошло им на пользу. Они «объелись» антропологическими идеями и создали из них некое «прокрустово ложе», в котором все стало детерминироваться, как правило, тремя категориями: раса, пол и класс. Культурные исследования, так сказать, придумали для себя универсальную герменевтику. Это во многом была политическая стратегия, но мне кажется, что культурные исследования успели сначала обогатить, а потом сильно обеднить себя за время знакомства с антропологией.

Что касается «постколониальной критики», то и в ней, за исключением отдельных работ, нет ничего особенного. Она была бы к месту в 1950—1960-е годы, когда в Академии следовало говорить о постколониализме. А теперь, как мне кажется, «постколониальная критика» запоздала на 40 лет.

Д. Маркус. Культурные исследования можно рассматривать в разных аспектах. С одной стороны, они были попыткой институционально и политически оформить те независимые друг от друга интеллектуальные тенденции, которые имелись в гуманитарных науках в 1980-е годы. Эта попытка, на мой взгляд, не удалась и не оправдала себя, несмотря на то, что к началу 1990-х годов кое-где были созданы кафедры культурных исследований.

С одной стороны, культурные исследования слишком легко вступили в идеологическую игру, когда произошло соединение научных идей с культурной политикой интеллигенции. Они хотели слишком быстрых результатов, а результаты в большинстве своем оказались и неудачными, и необидительными. С другой стороны, культурные исследования попытались открыть междисциплинарное пространство в то время, когда традиционным гуманитарным наукам его не хватало. В этом смысле они сыграли положительную роль.

Что касается взаимоотношения антропологии и культурных исследований, то я не думаю, что между ними наблюдалось какое-то серьезное сотрудничество. Я полагаю, что это «сотрудничество» было воображаемым по той простой причине, что обе дисциплины в сущности имели дело с одним и тем же объектом — «культурой». Имелись какие-то взаимные ссылки и упоминания, но совместной работы, мне кажется, тут не было. Имело место другое обстоятельство — а именно то, что культурные исследования играли и играют большую вдохновляющую роль для студентов, входящих на кафедры антропологии. Культурные исследо-

вания, хоть они и дискредитировали себя в научном плане, все-таки сумели поставить массу острых вопросов, которые требуют серьезного изучения.

А. Е. Что можно сказать по вопросу междисциплинарности в антропологии и вообще в гуманитарных науках? Какой степенью можно охарактеризовать междисциплинарность сегодняшней Академии и интеграцию исследовательских усилий в научном процессе?

М. Фишер. Междисциплинарность в наших науках — это неустойчивая и вместе с тем прочная идея, постоянно изменяющая свои формы одновременно с изменением исследовательских интересов и возможностей. В наши дни столько исследований делается в междисциплинарном русле, что дисциплины незаметно инкорпорируют междисциплинарные подходы и постепенно канонизируют их в дисциплинарные. Так что этот процесс постоянно оставляет впечатление «недостатка» междисциплинарности. Одна из областей, в которых в последние годы активно исследовались теоретические взгляды на проблему междисциплинарности, это «наука и культура» (например, работы Бруно Латура)⁸. Конечно же, в Академии до сих пор оказывается сильное сопротивление междисциплинарным проектам. Дисциплинарная гегемония имеет тенденцию подавлять альтернативные перспективы, но это в свою очередь зависит не просто от исповедуемых научных идей, а от многих факторов, таких, например, как исследовательские ресурсы, институциональная структура, образовательная структура и т. д.

С. Тайлер. Одна из самых любопытных вещей, которую можно наблюдать в связи с идеей междисциплинарности, — это то, что она мгновенно перестает работать, как только о ней начинают официально говорить. Междисциплинарная деятельность происходит постоянно в контактах между учеными, в обмене идеями, в процессе личных научных изысканий и т. д. Но в ту минуту, когда о междисциплинарности заговаривают вслух и начинают пытаться институционализировать ее в каком-то смысле, она тут же «проваливается».

Таким образом, ситуация такова: на неформальном уровне научное сообщество очень междисциплинарно, но на официальном — еще более дисциплинарно, чем было раньше.

Борьба и возня между дисциплинами за установление своих, якобы исключительных, научных привилегий постоянно растет (этому есть много разных причин бюрократического и бюджетного характера). А на «подводном» уровне междисциплинарность, конечно, имеется везде и всюду. Просто ее часто не называют этим словом, и слава богу.

Д. Маркус. «Междисциплинарность», с точки зрения традиционных дисциплин, все еще часто воспринимается как «антидисциплинарность», как нечто враждебное. В этом есть существенный элемент иллюзии, но таков механизм воспроизводства дисциплин. Мне кажется, что на образовательном уровне дисциплинарность важна, поскольку она выступает условием необходимого ограничения. Но ей не следует быть догматической, ей необходимо всегда «держат свои ворота открытыми». С точки зрения исследовательской работы ученого, междисциплинарность — это всегда личная практика, в которой самые интересные моменты, наверное, и происходят тогда, когда ученый пытается взглянуть на свое исследование с андидисциплинарной точки зрения.

Что касается вопроса интеграции гуманитарных наук, то я бы не сказал, что они интегрированы. Хотя на микроуровне, так сказать, сейчас происходит некоторая интеграция усилий. В собственной работе я всегда приветствую проекты, вовлекающие сотрудничество разных сторон. И по опыту я должен сказать, что такие проекты всегда бывают труднее, чем самые междисциплинарно выглядящие исследования персонального характера.

Впрочем, за последнее двадцатилетие гуманитарные науки сделали значительный шаг к интеграции исследовательских интересов. Если говорить об антропологии, то в 1970-х годах характер ее взаимодействия со смежными науками значительно изменился благодаря работам Клиффорда Гирца. Он сумел воссоздать в антропологии необходимый ей мост между социальными и гу-

манитарными науками. Гирцу удалось интегрировать макросоциологический род исследований с детальным этнографическим анализом, с историческими изысканиями и с философским знанием. То есть он поднял интерес антропологов к соседним областям знания, с одной стороны, и в равной мере поднял интерес этих соседних дисциплин к антропологии — с другой. В американском научном сообществе историки, работающие в направлении так называемой культурной истории («неэлитарной» истории, истории «ежедневной жизни народа», которой во Франции, например, занимается Леруа Ладюри и др.), были во многом воспитаны на работах Гирца.

А. Е. Как бы вы охарактеризовали научные сообщества антропологии и культурных исследований с точки зрения их общественно-политической позиции — как либеральные или как консервативные сообщества? Какие тенденции преобладают сегодня в Академии — правые или левые?

М. Фишер. Антропология и культурные исследования — это сообщества, которые представляют себя в гуманитарном мире, по преимуществу, как леволиберальные. Хотя я сделал бы здесь две оговорки. Во-первых, термин «либеральный» сам по себе сейчас находится под атакой со стороны культурных исследований. Они полагают, что политический либерализм в современном государстве находится под сильнейшим давлением и, возможно, представляет из себя устаревшее и весьма бесполезное понятие в мире развитых технологий, транснациональных потоков капитала и сложных экологических проблем.

Во-вторых, за последние годы в Американской антропологической ассоциации прошло немало саркастических дискуссий на предмет «личных воззрений» и «объективного социально-научного статуса антропологии».

Я не знаю, что там выяснилось в ходе этих дискуссий, но совершенно ясно, что в Академии всегда были приверженцы всех возможных убеждений. Среди британских антропологов были и тори, и социал-демократы, и даже члены компартии; среди американских антропологов находились люди, которые выступали против войны во Вьетнаме, но были и те, кто ее поддерживал; одни считали, что на повестке дня этнографии самые насущные — это вопросы социальной справедливости и прав, другие предпочитали обходить эти вопросы стороной.

Конечно же, среди этнографов и сегодня есть люди консервативного толка, как в смысле политических убеждений, так и в смысле сугубо научных приверженностей к теориям и методам, которые были сформулированы 30—40 лет назад (так сказать, в «золотые» антропологические 1950—1960-е годы). Я бы сказал, что в дискуссиях последних лет основное сопротивление исходило от последней группы ученых, которые твердо стоят на дисциплинарных рельсах 1960-х годов и не желают признавать появления в нынешней действительности новых объектов этнографического исследования.

Так что есть разные тенденции. Но большинство людей, которые верят, что в одну из важнейших задач антропологии входит культурная критика, несомненно прилагают свои усилия к тому, чтобы вскрывать в своих работах альтернативные общественные возможности и культурные потенциалы.

С. Тайлер. Если говорить об общей тенденции, то я охарактеризовал бы научное сообщество гуманитариев как горстку «либералов» с доблестью зайцев. Им абсолютно не с чем выступить против ползучего технофашизма, который постепенно пропитывает капиталистическое общество в постиндустриальную эпоху. Они часто произносят возвышенные речи, но на деле в них нет ни одного либерального слова. В лучшем случае весь их либерализм — это что-то вроде веры в разумное использование информационных технологий, которое якобы обеспечит глобальное знание и спасет мир.

Впрочем, если подойти к вопросу более объективно, то академические дебаты между «либералами» и «консерваторами» кажутся мне чем-то вроде пускания пыли в глаза. Сегодня невозможно с уверенностью сказать, кто есть кто, и вообще позиции обеих сторон представляются мне во многом одинаковыми. Республиканцы сегодня проводят свои кампании под лозунгами, ранее принадлежавшими

демократам (самый громкий из них — это, конечно, пресловутый: «Вернуть власть народу!»). Я думаю, что игра в идеологические различия в эти дни мало-значима, так как политический демократизм государства обнаруживает тенденцию к ослаблению.

С одной стороны, государство подрывается международным капитализмом, т. е. интересы государства и интересы капитала больше не совпадают прямым образом, каким они совпадали в былые дни, когда капитал просто владел государством или, лучше сказать, владел людьми, которые совершали государственное управление. Сегодня в раскладке мирового капитала государство представляется своего рода анахронизмом, оно как бы стоит на дороге и мешает. Власть государственных структур ослабляется, и внутренние политические различия нивелируются. С другой стороны, «демократия» государства сегодня находится под атакой внутренних сил, оказывающих постоянное децентрализующее действие. Идея *pluribus unum*, т. е. «единство во множестве», теперь не работает и везде слышится только *pluribus* без *unum*.

Если перевести это на антропологический язык, то риторика этнической идентичности заменила на социальном уровне прежнюю риторику компромисса и консенсуса. Таким образом, либерального решения проблемы больше не существует, кроме как развалить государство на большие, не связанные друг с другом группы.

Д. Маркус. В американском антропологическом сообществе сегодня преобладают леволиберальные тенденции. У нас время от времени слышатся упреки в консервативных или реакционных взглядах, но это выпадает из общей тенденции. Антропологическое сообщество в последнее десятилетие представляется мне более либеральным, чем большинство других гуманитарных наук. Я хочу сказать, что у антропологии есть свои цинические моменты, которые могут быть одинаково приписаны как к либеральной, так и к реакционной позиции, но политической реакционности более или менее выраженного характера в Академии сегодня нет. Это то, что в этнографическом сообществе ныне не приветствуется. Если у нас и есть ученые, придерживающиеся реакционных взглядов, то они во всяком случае их скрывают и не подают голоса. Потому что, так сказать, внутренняя дисциплинарная инспекция приобрела теперь достаточную силу, и всякое проявление реакционности среди этнографов мгновенно вызывает массу негативных эмоций.

Проблема, мне кажется, в другом. В 1980—1990-е годы академическая жизнь сама по себе (не только в Америке, но и в Европе) ушла в глубокую изоляцию от общественно-политической сферы. Между ними сейчас нет такой связи, какая наблюдалась в 1960-е годы. В некотором смысле за эти 30 лет Академии удалось «выкупить» более или менее гарантированные привилегии у государства. Модель взаимоотношения профессора с обществом изменилась. Она стала базироваться в основном на такой конструкции: есть пресловутая публичная сфера, во имя которой профессор должен высказаться. Эта конструкция обусловила нарастающую иллюзорность участия профессуры в общественной жизни. В большинстве случаев профессура не знает, где находится эта публичная сфера; и то, что он говорит, он говорит по преимуществу во имя своих академических интересов. В таких условиях леворадикальную позицию стало занимать не трудно и как бы даже удобно. Поэтому сегодня наблюдается некоторое недоверие к практической значимости, что ли, этих левых ориентаций в академической сфере.

А. Е. *Считаете ли вы, что антропология играет (важную? неважную?) роль в воспроизводстве культурных ценностей в обществе?*

С. Тайлер. Очень небольшую роль. Кстати, я не знаю, есть ли у нас такие культурные ценности, которые стоит воспроизводить? (*Смеется.*) Если бы такие ценности были, то они воспроизвелись бы и без участия антропологии. На самом деле это интересный вопрос. Если подумать об одной из основных миссий, которую антропология как научное и интеллектуальное предприятие взяла на себя, — это как раз и есть подрыв культурных ценностей. Верно? Антропология долго

призывала интеллектуальные силы развенчивать и атаковать общепринятые культурные установки, стереотипы и те понятия, которые безоговорочно конституировали основания общества. Так что, если сегодня антропология участвует в воспроизводстве культурных ценностей, то ей, наверное, следует поставить это в вину.

М. Фишер. Я думаю, что до тех пор пока интеллектуальные стремления в нашем обществе будут направлены к идеалам терпимости, гражданского общества и уважения к культурным различиям, антропология будет, несомненно, помогать этим стремлениям, несмотря ни на что. Пока антропология составляет открытым вопросом об актуальности надлежащего культурного законодательства, она вносит свой вклад в воспроизводство общественной терпимости к постоянным культурным изменениям.

Д. Маркус. Мне кажется, что я уже ответил на этот вопрос в начале интервью. На образовательном уровне так же, как и на уровне участия антропологии в общественных дискуссиях, антропология вносит свой вклад в воспроизводство общественных идеалов терпимости и понимания. Вклад, конечно, маргинальный, но важный.

А. Е. В заключение я бы хотел задать вопрос, который давно уже стал сакраментальным: «Есть ли у антропологии будущее?». Есть ли у нее реальные перспективы роста, или вы думаете, что они находятся под угрозой ввиду того, что в последние годы предметная область антропологии испытала массовое «вторжение» со стороны ряда дисциплин, таких, как культурные исследования, политология и др.? Если «да», то каковы перспективные направления, куда антропология могла бы двинуться?

М. Фишер. Отвечая на предыдущие вопросы, я уже говорил об этом в положительном смысле. Да, у антропологии есть будущее. Интерес к предметной области антропологии со стороны таких дисциплин, как политология, не представляет ничего страшного. Этот интерес в большой мере продиктован тем, что политология наконец обнаружила нужду к менее элитарным и односторонне рациональным концепциям и подходам в изучении современных государственных структур. Антропология в этом смысле подала ей пример. Опасность захвата предметной области антропологии культурными исследованиями сегодня уже не представляется реальной, хотя, как я уже говорил, она может вернуться, если сокращение академических институтов и исследовательских фондов будет продолжаться.

Одно из преимуществ работы в этнографической сфере сегодня — это то, что в последнее десятилетие с каждым годом обнаруживается все больше и больше источников информации и материалов, которые становятся доступными гуманитарным наукам. Задача этнографов заключается в том, чтобы использовать эти материалы и продвинуть этнографическое знание к новым рубежам. Я думаю, в арсенале этнографии есть все средства, чтобы дать глубокий и интересный анализ мира современности.

С. Тайлер. Как тут ответить?.. Конечно, у этнографии есть будущее. Но «будущее» не в высоком смысле этого слова. Скорее, будущее замкнутое и мало-значимое — типа того, к какому, скажем, продвигается психология и некоторые другие дисциплины. Они все более пребывают в собственном дискурсе, не подозревая, что за пределами академических стен их никто не слышит и ими мало кто интересуется. Это реальная опасность для антропологии. В то же время опасность захвата предметной области антропологии дисциплинами вроде культурных исследований, я бы сказал, несущественна. Культурные исследования уже захватили все, что они могли захватить.

Перспективные направления, куда антропология могла бы двинуться?.. Я честно говоря не знаю, куда она могла бы двинуться оттуда, где она сейчас находится. И я не думаю, что у нее есть направление в таком глобальном, что ли, масштабе. Тем не менее есть ряд небольших, но важных вещей, над которыми этнографам стоит подумать.

Во-первых, им следует стать более ответственными за то, что они пишут в своих книгах и статьях. К счастью, благодаря прокатившейся волне критики риторики и репрезентации в этнографии, в антропологической аудитории наконец-то появилось общее осознание, что «риторика» — не есть нечто, относящееся к латинским авторам или, скажем, политическим памфлетам. Риторика — это не вопрос филологического стиля, это дискурсивный механизм, прочно связывающий статьи ученого с идеологией средств массовой информации и интересами его научного «рынка». Одно из интересных решений этой проблемы я наблюдаю сейчас в совместных этнографических проектах, где задействованы ученые из разных обществ.

Во-вторых, у антропологии всегда остается неиспользованный шанс сделать что-то хорошее в прикладной сфере. Здесь главное — не гоняться за идеей спасения человечества и гуманитарной науки, а думать о реальных вещах, решение которых по силам и ждет своего решения. Крайне неловко использовать расхожую фразу Джорджа Буша, но «думать о том, чем ты можешь помочь ближнему», — это, как мне кажется, лучшее, что можно сегодня посоветовать этнографии.

Д. Маркус. Пока антропологию будут терпеть в университетах, она будет существовать. Что касается опасности со стороны других дисциплин, то я не думаю, что она существует. Культурные исследования претендовали на роль «супердисциплины», но теперь, по-моему, уже вполне ясно, что они ею не станут. У антропологии есть свои, внутренние проблемы. Но мне верится, она их сможет решить. Я уже говорил, что дисциплинарная область антропологии находится в процессе сильной фрагментации, которую я воспринимаю как здоровую тенденцию. Антропология выбивается из своих старых форм, чтобы обрести новую форму. Так что у антропологии есть будущее — не в смысле «воспроизводства прошлого», а в смысле движения к тому, чего еще не было.

Примечания

¹ См.: *Fieldwork Under Fire*. Berkeley, 1995; *Mistrusting Refugees*. Berkeley, 1996.

² См.: *Said E. Orientalism*. N. Y., 1978. Из других работ, написанных в подобном ключе, с намеренной этнографической «экзотизацией» Запада, можно назвать, например: *Pratt M. L. Imperial Eyes*. N. Y., 1992; *New World Encounters*. Berkeley, 1992.

³ Термин *differance* представляет собой искаженное написание французского слова *difference* (различие, разница) и часто употребляется в европейских языках без перевода, когда либо появляется необходимость подчеркнуть категоричность понятия, либо подразумевается ссылка на французскую постструктуралистскую мысль. Термин изначально возник в работах Жака Деррида и позднее активно использовался такими учеными, как Жан-Франсуа Лиотар или Жиль Делез.

В 1960-е годы во Франции, начавшей испытывать большие проблемы с колониальным Алжиром и с движением меньшинств внутри страны, широко распространилась пропагандистская идея о том, что мир находится в стадии гомогенизации, когда все социальные различия нивелируются и теряют значение. Ответом левого крыла интеллигенции стало заявление, что «различия» — это именно то, на чем зиждется и чем питается общественный режим, и именно то, что этот режим замечать категорически не хочет и боится.

Обладавший эксцентрическим философским мышлением Жак Деррида в своих статьях стал писать слово *difference* искаженно, через букву «а» (как *differance*), чтобы, так сказать, сделать его вызывающим и дать понять консервативной общественности: само понятие о том, что такое «различие», у разных людей в обществе разное.

⁴ *Marcus G., Fischer M. Anthropology as Cultural Critique*. Chicago, 1986.

⁵ *Clifford J., Marcus G. Writing Culture*. Berkeley, 1986.

⁶ CD-Rom, лазерные диски для хранения компьютерной информации, сейчас повсеместно начинают использоваться в справочно-библиографических секторах библиотек, обеспечивая доступную, быструю и эффективную работу с базами данных. В образовательных целях сейчас выпускаются экспериментальные диски CD-Rom с учебной информацией. Преимущество таких дисков, с точки зрения этнографов, заключается в том, что на диске может быть одновременно записана текстовая информация, визуальная (например, документальный фильм) и звуковая (музыка, иностранный язык и т. д.). World-Wide-Web — это самая быстрорастущая и наиболее успешно развивающаяся система электронной почтовой связи. В отличие от обыкновенной почты «e-mail» и некоторых других систем «Интернета», «WWW» способна передавать как визуальную, так и звуковую информацию.

⁷ Интересующиеся работами Бирмингемской школы могут обратить внимание, например, на труды

ее основных теоретиков Рэймонда Уильямса и Пола Уиллиса: *Williams R. The Sociology of Culture*. Chicago, 1981; *Willis P. Profane Culture*. L., 1978.

Программы в Пенсильванском и Техасском университетах были по преимуществу ориентированы на изучение фольклора, лингвистики и народной культуры. Сюда, например, относится так называемая «этнография речи», которой занимался Делл Хаймс со своими последователями. См.: *Hymes D. In Vain I Tried to Tell You: Essays in Native American Ethnopoetics*. Philadelphia, 1981; *Feld S. Sound and Sentiment*. Philadelphia, 1982; *Tedlock D. The Spoken Word and the Work of Interpretation*. Philadelphia, 1983.

В области «постколониальной критики» или *Subaltern Studies* за последние 10 лет было написано много работ. Для общего представления имеет смысл взглянуть на сб.: *After Colonialism*. Princeton, 1995. Для более детального ознакомления могут быть интересны книги: *Spivak G., Harasym S. The Post-Colonial Critic*. N. Y., 1990; *Chatterjee P. The Nation and Its Fragments*. Princeton, 1993.

Специалисты кафедр литературоведения Йельского университета, Университета Джона Хопкинса и не упомянутого Фишером Университета Миннесоты сыграли очень важную роль в «доставке» европейской теории на американский континент. На протяжении 1970—1980-х годов учеными этих кафедр было осуществлено множество переводов научной литературы с разных европейских языков (например, практически все работы Бахтина, Жака Деррида, Мишеля Фуко и др.).

⁸ См.: *Latour B. Science in Action*. Cambridge, 1987.

*Перевод с английского и примечания
А. Л. Елфимова*

Considering the perspectives of a science (continuation)

Interviews with four Russian ethnologists, concerning essential problems and perspectives of the ethnological science, have been published in the previous issue of the journal. The prominent American anthropologists are discussing here the same items.

A. Elfimov